

О государстве лаков: Рец. на книгу А.Д. Курбанова « Государственные образования лаков в средневековье». Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. 176 с.

В последние 15 лет заметно усилилось научное внимание к истории различных средневековых государственных образований, существовавших на территории Дагестана, появилась серия публикаций, защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных тем или иным политическим и этнополитическим единицам дагестанского средневековья. Обусловлено это в немалой степени ростом национального самосознания в постсоветском обществе, значительно выросшим интересом к истории конкретных народов Дагестана вообще и к истории их государственных образований в частности. Вместе с тем проблема политгенеза и развития государственных форм общественной жизни является одной из приоритетных и все еще малоисследованных тем в дагестанской исторической науке. И изучение истории формирования и развития конкретных политических образований Дагестана, совокупности вопросов и проблем, связанных с данной тематикой, позволяет представить в целом процесс политгенеза, определить частное, особенное и общее в становлении и развитии классового общества и государства на территории Северо-Восточного Кавказа как составной и неотъемлемой части цивилизационного процесса.

В числе последних работ на эту тему только что вышедшее из печати исследование начинающего историка, к.и.н. А.Д. Курбанова «Государственные образования лаков в средневековье», которое в определенной степени направлено на изучение обозначенной проблемы. В нем рассматриваются разнообразные вопросы, связанные с политическим развитием горной зоны центрального Дагестана, с формированием и функционированием на этой территории таких политических образований, как Туман, Гумик и Казикумухское шамхальство. Работа охватывает почти 1000-летний период истории – от VIII в., когда письменные источники фиксируют здесь «царство» Туман, и до второй половины XVII в., когда происходит распад Казикумухского шамхальства.

Структурно исследование А.Д. Курбанова состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении автор акцентирует внимание на важности исследования истории государственных образований Дагестана, политического развития региона, на слабой изученности раннесредневековых государств Туман и Гумик, на существующих спорных вопросах, обосновывает хронологические рамки своей работы. Основная часть исследования А.Д.Курбанова имеет традиционное содержание. В ней дан анализ источников по теме, приведен историографический обзор и рассмотрено хронологически развитие политических образований на изучаемой территории. В главе I рассматриваются и характеризуются письменные источники, кратко затрагиваются иные категории исторических источников (эпиграфические, археологические, фольклорные, лингвистические), а также дается достаточно обстоятельный историографический обзор. Автор привлек практически все известные на сегодняшний день нарративные источники по данной проблематике, показав тем самым информативную, источниковедческую базу своего исследования. Важно, что в историографическом экскурсе автор не обошел вниманием «острые» дискуссионные вопросы, отметил вклад многих ученых-кавказоведов в разработку истории средневековых государственных образований Дагестана, состояние изученности тех или иных вопросов исследуемой темы.

Значительный раздел исследования посвящен истории политических образований, известных по письменным источникам как Туман и Гумик. А.Д. Курбанов рассматривает исторические сведения из VIII–IX вв. о Тумане и Гумике, вопросы их социально-

экономического устройства, проникновения ислама в Лакию. Автор вслед за другими исследователями, опирающимися на сообщения Египта (V в.) и некоторые иные свидетельства, относит формирование самостоятельных раннегосударственных образований на территории Дагестана к IV–VI вв. и связывает этот процесс как с проникновением на территорию Восточного Кавказа тюркских племен, так и с усилившимися центробежными тенденциями в ослабленной Кавказской Албании, приведшими к ее распаду (С. 45, 59). Однако, как показывают данные письменных и иных источников, начало процесса формирования крупных политических образований относится к более раннему времени. Возникновение государственности на территории Дагестана явилось результатом длительного и закономерного социально-экономического развития местного общества и протекало под сильным воздействием внешних факторов. Это важнейшее историческое явление, ознаменовавшее «переход от первобытности к цивилизации», хронологически приходится на албано-сарматский (III в. до н.э. – IV в. н.э.) период и, судя по археологическим признакам процесса классо- и политгенеза и некоторым данным письменных источников, в большей степени – на первые века н.э. Несомненно, проникновение в приморский Дагестан в последние века до н.э. кочевников (сначала ираноязычных сарматов, аланов, маскутов, а с конца IV в. – тюркоязычных гуннов) стало одной из важных внешних причин, способствовавших военно-политической консолидации местного общества, развитию государственных форм управления.

Постулируемый автором исследования тезис о том, что в состав Кавказской Албании как единого централизованного государства входила значительная часть территории Дагестана, а проникновение тюркоязычных кочевников привело к его распаду и образованию многочисленных политических структур, прочно вошедший в историографию Дагестана, также нуждается в корректировке. Прежде всего следует указать на то, что в трудах античных авторов (Страбон, Птолемей, Плутарх) и более поздних древнеармянских писателей понятие *Албания* (*Алуанк*) имеет два значения: первое, узкое, – как название конкретного государственного образования на территории Азербайджана и Южного Дагестана и второе, расширительное, – как обозначение обширного этнокультурного и географического региона, охватывающего значительную территорию Восточного Кавказа.

По данным Страбона и Клавдия Птолемея, граница между Албанией и Сарматией проходила по Керавнским горам и реке Соане, которые большинство исследователей обоснованно отождествляют соответственно с северо-восточными отрогами Большого Кавказа и рекой Сулак. Такое толкование сведений древнегреческих географов дает возможность исследователям включать в состав Кавказской Албании почти весь Дагестан, в том числе и его горные районы. Однако при этом необходимо учитывать уровень и состояние государственного развития Албании, ее конфедеративный характер, этнокультурные и географические особенности Восточно-Кавказского региона. Кавказская Албания не являлась столь сильным и централизованным политическим образованием, не обладала таким мощным государственно-административным аппаратом, способным контролировать обширную, географически сложную и этнически пеструю территорию Восточного Кавказа (Страбон сообщает о 26 племенах Албании, говоривших на разных языках). Очевидно, что южные районы Дагестана (точнее, этнополитические образования леков, лупениев/лпинов, сильвов/чилбов и др.) входили в состав Албанского государства, а на остальной территории Северо-Восточного Кавказа в албано-сарматский период сложились самостоятельные политические образования с определенными этногеографическими территориями, объединенные (вместе с более южными областями) собирательным этнокультурным и географическим понятием «Албания». Наименования этих раннегосударственных объединений нам не известны, но очевидно,

что они связаны с теми образованиями, названия которых начинают упоминаться в письменных источниках в раннесредневековый период (Сарир, Туман, Гумик, Хайдак и др.).

А.Д. Курбанов справедливо отметил в своем исследовании важную роль Сасанидов и прежде всего Хосрова I Ануширвана (531–579) в развитии и укреплении государственности на территории Северо-Восточного Кавказа (С. 45-46). Проведенные им на Восточном Кавказе административно-политические реформы стали важнейшей ступенью в государственном строительстве, включили раннеполитические образования региона в сферу влияния, в систему политической организации «упорядоченной монархии Сасанидов» (Ф. Энгельс). Говоря о политическом значении и статусе образованных здесь в середине VI в. «шахств», о предоставлении их владельцам титула *шах*, следовало бы указать и на свидетельство «Письма Тансара», в котором отражены нормы номенклатурно-иерархической практики Сасанидского Ирана VI–VII вв.: «И никого, кто не из нашего рода (рода Сасанидов. – Авт.), шахом называть не должно, кроме тех, которые являются правителями пограничных областей...». О значительной экономической и политической самостоятельности, автономии этих «шахств» Восточного Кавказа писал и Йакут ал-Хамави.

А.Д. Курбанов постулирует в своей работе и положение об общедагестанском характере раннесредневекового государства Сарир (С. 48). Однако оно не подкреплено соответствующими историческими данными, свидетельствами письменных источников. Несомненно, Сарир являлся крупной и важной политической единицей Восточного Кавказа раннесредневекового периода, очевидно, имевшей полиэтничный облик. Но говорить о нем как об общедагестанском государственном образовании не приходится, т.к. Сарир не покрывал те территории Северо-Восточного Кавказа, которые позднее получили обозначение «Дагестан», и в этом регионе в этот же период существовали немалочисленные другие, не зависящие от Сарира государственные (в большей части этнополитические) образования, находившиеся в тесном политическом, экономическом и культурном взаимодействии.

Значительный интерес представляют разбираемые автором сведения о раннесредневековых государственных образованиях, существовавших на территории современного расселения лакцев. А.Д. Курбанов априори считает, что эта зона являлась территорией обитания лаков на протяжении всего средневековья, с чем в целом можно согласиться, учитывая топонимические и некоторые иные данные.

Автор подробно рассмотрел также высказанные в литературе мнения о локализации здесь различных раннесредневековых «царств» – Бухха, Филана, Тумана, Гумика. Оригинальным, заслуживающим внимания является высказанное в предположительной форме сопоставление раннесредневекового топонима Бухх (владельца-*сахива*, которого утвердил в своем положении Хосров Ануширван) с названиями андалальского с. Бухты и существовавшего здесь общества Бухнада (Бугьун) (С. 61).

А.Д. Курбанов справедливо придерживается наиболее обоснованной точки зрения исследователей (В.Ф. Минорский, М.-С. Саидов, А.Р. Шихсаидов и др.) относительно локализации «царства» Туман и его этнического облика как древнейшего известного политического образования лаков. Автор небезосновательно считает, что, несмотря на то, что самое раннее упоминание Тумана связано с арабскими походами 730 г., это царство, судя по титулатуре его владельца – *туманшах*, было в числе государств Восточного Кавказа, правители которых были удостоены Хосровом Ануширваном высокого титула *шах* (С. 64). Разбирая маршрут похода арабского полководца Мервана во внутренний Дагестан в 738–739 гг., А.Д. Курбанов высказал предположение, что административным центром Тумана могло выступать крупное Цыйшинское городище, расположенное на важной внутриагестанской коммуникации (С. 68), известной под названием лак. *Ааьрал ххуллу* (Военная дорога). Однако археологические материалы этого памят-

ника (Кладбище неверных) и располагающегося рядом могильника *Чанурхатталу* датируются временем не позднее VI в. н.э.

Проанализировав разноречивые сведения письменных источников о Гумике, автор пришел к выводу, что в период арабских завоеваний и вплоть до начала X в. этим названием обозначали не государственное образование, а важнейший опорный пункт и административно-политический центр горного Дагестана, резиденцию и казначейство правителя Сарира (С. 70–71). Лишь с X в., на основании сообщения Масуди, Гумик – это самостоятельное владение (С. 71).

Весьма важным представляется раздел исследования, в котором рассмотрены вопросы социально-экономического устройства (С. 73–85). Автор привлек хотя и отрывочные, но ценные сведения нарративных источников о социальной структуре, системе власти и управления, хозяйстве. Обратился автор также к лингвистическим и археологическим материалам.

Особо А.Д. Курбанов затронул вопрос, касающийся начального этапа исламизации Лакии. Как известно, вопрос о времени первоначального проникновения сюда ислама, строительстве кумухской Джума-мечети является дискуссионным. А.Д. Курбанов обратил внимание на то, что три арабоязычных эпиграфических памятника, оригиналы которых утрачены, относятся к одному, достаточно узкому хронологическому периоду – 70–80-е гг. VIII в., надпись о строительстве источника датирована 771 г., надпись о строительстве Джума-мечети – 778 г., а о строительстве ворот – 783 г. «Наличие сразу трех и, что важно, независимых сообщений, датируемых 70–80-е гг. VIII в., на наш взгляд, – заключает автор, – позволяет говорить о проникновении ислама в Лакию в это время» (С. 87). А.Д. Курбанов склонен связывать распространение ислама в этой области с размещением в Кумухе арабского воинского контингента, что вполне вероятно в условиях известных исторических событий, происходивших в тот период. Автор обратил внимание и на известную эпитафию шахида Мандалы 311/923–924 г. в Кумухе, подлинник которой, к сожалению, до нас не дошел (С. 89). Вместе с тем А.Д. Курбанов справедливо указал на то, что эти данные не дают оснований говорить о полной исламизации лаков в X–XI вв., памятуя о сообщении «Тарих ал-Баб» о «гумикских неверных», о существовании языческого обряда погребения (с. 90). К этому следует добавить и информацию Масуди о христианском населении Гумика.

По истории Казикумухского шамхальства автором рассмотрены вопросы образования шамхальства, его общественно-политического устройства и экономических причин распада этого значительного в масштабах Восточного Кавказа государственного образования средневековой поры (С. 91–148). А.Д. Курбанов подробно описал противоречивые сведения письменных источников, относящиеся ко времени формирования шамхальства, а также данные, свидетельствующие о происхождении титула *шамхал*. Автор, сопоставив различные исторические известия, пришел к выводу, что формирование нового государства на политической карте Северо-Восточного Кавказа было связано со вторым этапом исламизации региона, с военно-миссионерской деятельностью дербентских газиев, ширваншахов и турков-сельджуков. Наиболее приемлемой датой этого процесса он считает рубеж XI–XII в. Среди существующих мнений этот взгляд на время и причины образования шамхальства, учитывая имеющиеся в распоряжении исследователей данные, видится наиболее реально отражающим историческую действительность.

А.Д. Курбанов выдвинул и свою, имеющую право на существование версию происхождения титула *шамхал*, возводя его к реконструируемому слову **шаххал*, т.е. «принадлежащий шаху», «ставленник шаха», приводя в подкрепление своей точки зрения и некоторые косвенные письменные свидетельства (С. 99).

Весьма привлекательными и требующими дальнейшей проработки выглядят высказанные А.Д. Курбановым положения о возможности наличия имени Исми-шамхал в цахурской надписи 677/1278 г. о разрушении с. Хиц и двойном титуле *уцмий-шамхал*, о вероятности идентификации шамхала Ахсибара (надпись 718/1318–1319 г. в минарете с. Худуц) и *сахиба* Кала-Курайша Ахсибара, сына Хиздана (стела конца XIII– начала XIV в. в Джума-мечети Кала-Корейша). Продуктивным представляется и мнение автора о возможности существования во второй половине XIII – начале XIV в. объединенного политического образования Кайтагского уцмийства и Казикумухского шамхальства (С. 94). Эта точка зрения основывается не только на упомянутой цахурской надписи, в которой засвидетельствовано имя (титул?) Исми-шамхал, но и на надписи с титулом *шамхал* из Худуца (1318–1319 г.) о передаче с. Худуц жителями Гумика Анчибачи надписи из с. Ашты (XIV в.) о постройке мечети Б.з.р-шамхалом «с разрешения войска для людей зирихгеранских...». Как обращает внимание А.Д. Курбанов, эти надписи, в которых впервые упоминается титул *шамхал*, происходят с территории Верхнего Кайтага, центром которого в тот период выступал Кала-Корейш (С. 94-95). И ранее, в начале XII в., и позднее, в середине XIV и середине XV в., источники фиксируют родственные, очевидно, традиционные отношения правителей Кази-Кумуха и Кайтага, и высказанная автором мысль, опирающаяся на косвенные, но весомые эпиграфические данные, несомненно, заслуживает внимания. Само содержание текстов надписей с. Худуц и Ашты может свидетельствовать не только о влиянии и значении Гумика, но и о включении Зирихгерана и Кайтага в политическую систему шамхальства.

Интересны пассажи исследования А.Д. Курбанова, посвященные второму этапу исламизации Лакии, когда мусульманство закрепило здесь свои позиции в XII–XIII вв., а само Казикумухское шамхальство было теснейшим образом связано с процессом исламизации Гумика (С. 99-104). А.Д. Курбанов достаточно подробно рассмотрел политическую систему шамхальства, социальную структуру, затронул вопросы экономической жизни, землепользования, налогообложения и т.д. (С. 104-132). Автору при разборе данных о земельных отношениях, формах эксплуатации, очевидно, следовало провести глубокий анализ надписи 1318–1319 г. из с. Худуц, представляющей собой, как отмечал А.Р. Шихсаидов, дарственную грамоту и один из самых ценных эпиграфических памятников. Касаясь же вопроса о тех или иных удельных владениях Казикумухского шамхальства, необходимо было четче придерживаться принципа хронологии и ярче показать причины его территориального и политического роста.

Рассматривая вопрос о формировании шамхальства и месте первоначального нахождения резиденции шамхалов, А.Д. Курбанов придерживается более обоснованной и приоритетной «кумухской» версии, которую поддерживает большинство исследователей (С. 133–136). Автор подробно рассмотрел важный вопрос о распаде Казикумухского шамхальства – крупнейшего в истории Дагестана государственного образования. Он проанализировал причины этого явления, акцентируя внимание на таких факторах, как развитие феодальных отношений, рост крупного землевладения, усиление феодальной эксплуатации и, как ответной реакции, антифеодальной борьбы, углубление центробежных тенденций, рост оппозиции «вольных» обществ и феодальных междоусобиц и т.д. (С. 139–144). Разбирая данные источников, А.Д. Курбанов весьма убедительно (вслед за А.С. Шмелевым) показывал, что выход Кази-Кумуха из состава шамхальства, означавший фактически его распад, приходится не на 1641–1642 г. или 1640 г., а на период, последовавший после смерти Сурхай-шамхала IV в 1668 г. (С. 146–148).

Помимо отмеченных выше замечаний и пожеланий, следует указать и на некоторые иные. В частности, автор не всегда обозначает источник той или иной информации. Говоря о процессе исламизации Гумика, следовало, как представляется, больше внимания уделить существовавшим здесь доисламским религиозно-идеологическим пред-

ставлениям. Необходимо было ярче обрисовать роль и место шамхальства на кавказской политической арене на фоне военно-политической истории региона.

В целом монография А.Д. Курбанова, написанная профессионально, со знанием материала, является важным вкладом в изучение средневековых государственных образований Дагестана.

М.С. Гаджиев